

И. Мальковская // СОЦИС.– 2007.– № 2.– С. 76-85.

13. Назарчук А. Идея коммуникации и новые философские понятия XX века / А. Назарчук // Вопросы философии. – №5. – 2011. – С.157-166.

14. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.

Плавич Владимир Петрович – доктор философских наук, кандидат юридических наук, профессор, академик, заслуженный деятель науки и техники Украины. заведующий кафедры общеправовых дисциплин и международного права Одесского национального университета имени И.И. Мечникова

УДК 340.34.01.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ПРАФЕНОМЕНОВ ПРАВА ИНДИВИДУАЛЬНОГО И КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТОВ

Статья посвящена осмыслению прафеномена и архетипа, что дает возможность взглянуть на проблему причин права под новым углом зрения, где метафизика сближается и взаимодействует с психологией. Автор приходит к выводу, что на базе способа представления оформляется не только непосредственно информация, содержащаяся в праве, но и основание права. Рассматривается дуальная природа права, а также правовая направленность. Анализируются невербальные и нефиксированно-вербальные истины. Механизм генерирования информации представляется в виде системы двух уровней. Исследуются основные нормы и ценности современного образа жизни.

Ключевые слова: прафеномен, архетип, категориальная парадигма, сознательное и бессознательное, содержание права, конформистская мораль, способ представления.

ПРОБЛЕМИ АРХЕТИПОВИХ ПРАФЕНОМЕНІВ ПРАВА ІНДИВІДУАЛЬНОГО І КОЛЕКТИВНОГО СУБ'ЄКТІВ

Стаття присвячена осмисленню прафеномена і архетипу, що дає можливість поглянути на проблему причин права під новим кутом зору, де метафізика зближується і взаємодіє з психологією. Автор доходить висновку, що на базі способу подання оформляється не тільки безпосередньо інформація, яка міститься в праві, але і підстава права. Розглядається дуальна природа права, а також правова спрямованість. Аналізуються невербальні і нефіксовано-вербальні істини. Механізм генерування інформації представляється у вигляді системи двох рівнів. Досліджуються основні норми і цінності сучасного способу життя.

Ключові слова: прафеномен, архетип, категориальна парадигма, свідоме і несвідоме, зміст права, конформістська мораль, спосіб представлення.

PROBLEMS OF ARCHETYPICAL PRAFFENOMENES OF THE RIGHT OF INDIVIDUAL AND COLLECTIVE SUBJECTS

The article is referred to the concept of the phenomenon and archetype, that provides an opportunity to regard the problem of law reasons from the different angle, where metaphysics

approaches and interacts with psychology. The author makes a conclusion that basing on the presentation medium, not only information containing in the law, but also the base of the law is formed. We consider the dual nature of law as well as legal orientation. Analyzed non-verbal and non-fixed-verbal truth. The mechanism of generating information is represented as a two-level system. We study the basic norms and values of a modern lifestyle.

Keywords: praphenomenon, archetype, categorical paradigm, the conscious and the unconscious, the contents of law, conformist morals, presentation medium.

Дуальная природа права присутствует – явно или неявно во всех фундаментальных вопросах права. По этой причине это единственная наиболее существенная особенность права, которая показывает, почему юридический позитивизм является неадекватной теорией природы права [1, С.28]. Развивая феноменолого-герменевтическую онтологию права Артур Кауфман пишет, что реальное право происходит из связи и полярной напряженности естественности и позитивности права. Естественность и позитивность права являются образующими бытийными принципами права [2, С.157]. Однако, в отличие от последнего, теория юридической аргументации Р. Алекси сближает его с юридическим интерпретивизмом (от слова «интерпретация»), который иногда трактуется как концепция «третьего пути» в правопонимании, проходящем между юридическим позитивизмом и теорией естественного права. В англоамериканской традиции наиболее известным представителем этого направления является Рональд Дворкин, введение идей которого в контекст современных дискуссий в немецкой философии права ставится в заслугу Р. Алекси [3, С.31]. Основопологающим положением концепции Р. Алекси является тезис о том, что право имеет дуальную природу, т.е. с необходимостью включает два измерения: реальное, или фактическое, которое в определении права представлено элементами официального источника и социальной эффективности, и идеальное, или критическое, которое находит свое выражение в элементе моральной правильности [4, С. 257]. И, конечно же, нельзя не упомянуть представителя коммуникативно-дискурсивной философии Юргена Хабермаса, в философии которого дается коммуникативное рефлексивное обоснование права через «аргументацию в дискурсе». Нормы права обосновываются практически в реальной коммуникации, которая имеет процедурный характер. Однако этот дискурс должен соотноситься с идеальной коммуникацией (аналог «естественного права»), которая как регулятивная идея показывает направленность рационального обоснования норм.

В зависимости от предпочтений субъекта, право имеет позитивную или негативную направленность либо индифферентно, а по своей форме – субъективно и принадлежит конкретному индивидуальному или коллективному субъекту. В качестве же синтетического свойства характеризуется такими параметрами, как направленность, интенсивность, глубина, широта и т.д. Следует заметить, что еще В. Д. Небылицин отмечал, что у человека никакой из основных анализаторов не играет специфически ведущей роли, поскольку главное регулирующее значение в процессе его эволюции приобретают факторы небиологического характера; но именно по этой причине у человека открываются большие, чем у животных, возможности интраиндивидуальных вариаций свойств отдельных анализаторов – вариаций, обусловленных, вероятно, в основном врожденными или унаследованными особенностями морфологической организации соответствующих кортикальных областей, но в какой-то мере, возможно, и условиями онтогенетического развития [5, С. 3].

В книге «Закат Европы» прафеномен изображен немецким мыслителем О. Шпенглером как нечто достаточно определенное, обладающее некоторой первоначальной оформленностью, возникшей из безличной, неупорядоченной стихии докультурного хаоса. Автор исходит из того, что прафеномен предстает как что-то общее для всех будущих формообразований данного типа, как универсальная первосущность, доисторическое первоначало, наделенное

силой, энергией, волей к будущим самосуществованиям.

Понятие архетипа (от греч. «*arhetipos*» - древний образ) явилось одним из ведущих в теории швейцарского ученого К. Г. Юнга, который использовал его для обозначения находящихся в глубинах бессознательного первоначальных формообразований – представлений с характерной ценностно-смысловой направленностью.

С моей точки зрения, подсознание, сознание и сверхсознание человека, воздействуя друг на друга, взаимопроникая, образуют единое целое. Бессознательные начала пронизывают все формы жизнедеятельности и социального поведения индивидуального и коллективного субъекта.

Поскольку люди часто не осознают те способы репрезентации реальности, которыми они пользуются, постоянно онтологизируясь, входят в их картину мира. И уже субъект полностью не осознает те способы представления, которыми пользуется в своей жизнедеятельности. В этом случае он не видит альтернативы своим способам представления, попадая в своеобразную интеллектуальную ловушку. Инверсионные по отношению друг к другу способы представления и ценностные шкалы приводят к различному восприятию одних и тех же событий [5, с.26].

Сквозь сдвоенную призму обоих понятий, прафеномена и архетипа, открывается возможность взглянуть на проблему причин права под новым углом зрения, где метафизика смыкается с психологией. Объединение познавательных усилий этих двух способов постижения тайн присутствия человека в мире важно по целому ряду обстоятельств.

Бессознательное предстает в качестве основания, на почве которого формируются исходные ментальные, ценностные и нормативные структуры, именуемые прафеноменами и архетипами. Как отмечает В. А. Бачинин: «На уровне коллективного бессознательного сложились первоначальные регулятивные предпосылки норм человеческого поведения. На их основе позднее и стали складываться нравственные и естественно-правовые представления» [6, С.82].

Архетипам не свойственно пребывать автономно внутри индивидуальной психики, они различными способами стремятся интегрироваться в коллективное сознание. Архетипы заявляют о себе в сновидениях, в религиозных и художественных образах, в нравственных и метафизических интуициях. Они, хотя и исподволь, но вместе с тем достаточно властно навязывают практически-духовным усилиям человека определенную нормативно-ценностную направленность. Если говорить только о праве, то бессознательные и примыкающие к ним неосознаваемые процессы, детерминированные глубинными потребностями и интересами людей, более фундаментальны, нежели закономерности рационального познания. Кроме того, способность бессознательной и неосознаваемой психики к особо ценному творчеству – продуцированию истин – объясняется и их необычайно высокой активностью.

Во множестве скрытых истин различаются невербальные и нефиксированно-вербальные. Первые – это такие истины живого сознания, которые в принципе не могут быть выражены в языке. Под нефиксированно-вербальной истиной понимается объективная информация социализированного знания, примечательная тем, что она, будучи выраженной в формулах, знаках, таблицах и т.п., еще не привлекала внимание субъекта, не зафиксирована им в качестве познавательной формы.

Соответствующими более развитым и осознанным усилиям субъекта, истинными познавательными формами предстают имплицитная и открытая истина. Но осознанные истины по своему составу неоднородны. Осознанную истину, имеющую довербальный характер (следуя психологической традиции), назовем имплицитной. Имплицитное стыкует явное, вербализованное сознание с неосознаваемым, а последнее – все сознание с бессознательным. Таким образом, скрытые истины – результат экстраполяции истинностной

оценки за пределы имплицитного в направлении бессознательного по координатной оси.

Наше понимание бессознательного связано с функциональным взаимодействием различных уровней той целостной системы психологической саморегуляции, какой является содержание работы коры больших полушарий.

С этой точки зрения сознательная деятельность в ходе решения творческих задач есть функция взаимодействия высшего коркового регулятора поведения с гностической корой. В том случае, когда построение, моделирование объектов находит свое отражение в лобной коре, этот познавательный процесс осуществляется осознанно. Но могут быть и такие случаи, когда модели, будучи сформированными для решения той или иной проблемы, работают автономно, вне непосредственной связи с целостно-поведенческим регулятором. Такой процесс познания и творчества будет осуществляться вне сознания.

Строение мозга отражает строение интеллектуальных процессов. Для двух половин мозга обнаружены два типа мышления, два способа связывать информацию, два времени деятельности ума. Третье состояние – настоящее осознаваемое «перетекание» информации возникает на стыке двух «сознаний», двух стратегий интеллектуальной активности мозга.

Обобщение данных о врожденных нейроструктурах доказывает современное значение картезианского нативизма – допущение врожденного интеллектуального потенциала. Каждая личность имеет свои стартовые интеллектуальные возможности, пороги восприятия и эмоций, потенции мышления. Эмотивные нейронные комплексы есть тот врожденный «идейный» потенциал (неявное знание), который создает предпосылочное мышление в развитом сознании. Без обнаружения генетически запрограммированных и отраженных в строении мозга психических структур было бы трудно защищать интроспекцию. Органом интроспекции на физиологическом уровне является архитектура мозга, его пространственно-временные особенности строения. Именно они стоят между душой и телом, определяя связь психики-физики.

Интроспекция – это всегда искаженная субъективная интерпретация (само-интерпретация) мира. Метод интроспекции по старинке причисляется к мистико-идеалистическим средствам познания, а его статус в науке остро дискутируется. Однако материалы детской психологии показывают, что интроспекция представляет собой высший социальный этап в развитии интеллекта, мета-интеллекта, имеющий определенные генетические основания. Современные нейро-когнитивные исследования позволяют эмпирически обосновать гипотезу Юнга о врожденных психических структурах коллективного бессознательного, а также идею Декарта о врожденных потенциях интеллекта.

Таким образом, механизм генерирования информации можно представить в виде системы двух уровней: подсознательного и сознательного. Оптимальное функционирование этой системы предполагает определенные отношения между механизмом двух уровней сознания: использование некоторых средств для перевода или трансляции информации из сознания в подсознание и обратно. Поэтому, важны не только потоки информации, непосредственно направленные в центр сознания, но и на его периферию, откуда они проникают в подсознание.

Эта периферийная информация и образует информационный фон, в котором и заключена тайна внушаемости, секреты механизмов суггестии. Обычно вы не можете сознавать все, что происходит, потому что, сознавая все, что происходит, вы расфокусируетесь. Поэтому концентрация – это необходимость. Концентрация ума необходима, чтобы жить – чтобы выжить, существовать. Вот почему каждая культура по-своему старается сузить ум ребенка. Как только субъект сужает свой ум, он начинает особенно отчетливо сознавать что-то одно и одновременно перестает сознавать так много остального.

Подсознательное, неосознанное всегда присутствует, как неиспользованные возможности, неизрасходованный потенциал. Этот бессознательный ум (этот потенциал – неиспользованный

ум) всегда борется с сознательным умом. Вот почему внутри всегда конфликт, конфликт в каждом субъекте, из-за этой трещины между сознанием и бессознательным. Но только тогда, когда потенциальному бессознательному будет позволено расцвести, мы сможем почувствовать блаженство бытия.

Хаотические и причудливые, почти непредсказуемые внешние эффекты ныне уступают место неожиданной концептуальной унификации на основе таких понятий, как бифуркации, странные аттракторы, показатели Ляпунова и т.д. До сих пор удалось приподнять лишь краешек завесы, и многие явления все еще остаются непонятными и необъяснимыми, хотя мы, по-видимому, уже вступили на путь, предсказанный в «Феймановских лекциях по физике»: следующая эра пробуждения человеческого интеллекта вполне может породить метод понимания качественного содержания уравнений. Сегодня мы не в состоянии увидеть, что уравнения гидродинамики содержат такие вещи, как вихревая структура турбулентности, наблюдаемая между вращающимися цилиндрами. Сегодня мы не знаем, содержит ли уравнение Шредингера лягушек, сочинителей музыки и морали – или не содержит. Мы не можем сказать, есть ли необходимость в чем-нибудь помимо уравнения Шредингера, вроде Бога или такой необходимости нет. Пока каждый из нас может придерживаться как одной, так и другой точки зрения [7, С.191-194]. Влияние архетипов отчетливо просматривается в содержании отдельных форм обычного права и естественного права. Из глубин бессознательного опыта как бы изменились и актуализировались исходные нормативные представления. Прошедшие через процесс адаптирования к конкретным обстоятельствам антропосоциального характера, они превращались в исходные «первоформы», на основе которых и складывались разнообразные и вместе с тем сходные по механизму целевой детерминации системы обычного права [8, С.83].

Такие фундаментальные способы представления, как категориальная парадигма, осваиваются субъектом также в результате взаимодействия механизмов подсознательного и сознательного уровней. Несравненный Козьма Прутков утверждал: «Многие вещи непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий» [9, С.40]. То, что не укладывается в сетку наших способов представления, нами просто не воспринимается. Догматик, например, абсолютизирует лишь один полюс категориальной оппозиции. Поэтому он не способен видеть альтернативы. Персонажи фантастического романа Е. Замятина «Мы», живущие в свехупорядоченном, абсолютно жестком обществе, не могли представить себе, что возможен непронумерованный человек. Они не понимали, как может существовать и работать учреждение, не подчиненное никакому ведомству [10, С.84].

Как свойство субъекта, право вырабатывается именно в результате взаимодействия двух противоположных механизмов: сознательного и бессознательного. Разрыв делает его ущербным или даже невозможным. Результативное воздействие на право субъекта предполагает определенное использование некоторых средств для перевода или трансляции информации из сознания в подсознание и обратно.

Как мы видим, оба уровня права образуют единое целое. Они не могут существовать сами по себе, взаимообуславливают и дополняют друг друга. Взаимодействием механизмов двух уровней сознания, двух противоположных основ права и обусловлена диалектика двух противоположных свойств права: его устойчивость и гибкость. Игнорирование этой фундаментальной зависимости сводит на нет все стратегии и тактики становления и развития права.

Право – сложное образование, которое содержит следующие компоненты: знание, ценностную ориентацию и положительное или отрицательное значение веры. В процессе жизнедеятельности субъекта происходит их проверка, оценка и корректировка. В содержание права входят знания, которые осознаются субъектом как «свои», «личностные», имеющие для него определенную ценность. Знания, входящие в право субъекта, отражают главное и

основное в процессе развития объективного мира. Эти знания неразрывно связываются с верой в их истинность и значимость при достижении поставленных целей.

При становлении и формировании права очень важно учитывать комплексное воздействие всех его компонентов. Абсолютизация каких-либо из этих компонентов значительно снижает положительный эффект воздействия, а порой даже приводит к отрицательным результатам. Так, при выработке мировоззрения (парадигмы права) у нас долгое время абсолютизировался когнитивный аспект права, что значительно снижало эффективность соответствующих стратегий и тактик идеологического воздействия.

Как показывают результаты конкретно-социологических исследований, проводимых различными авторами, основные нормы и ценности современного образа жизни, доминируя на когнитивном уровне сознания людей, значительно меньше влияют на мотивационно-эмоциональный уровень (а, следовательно, на поведение) и еще реже выступают в качестве доминирующих мотиваций трудовой и социальной активности [11, С.139].

Эклектическая мораль отрицательно сказывается и на творческом потенциале личности, ибо она не стимулирует наблюдательность, направленную на видение организационных, технических и иных неполадок, мешает вовремя осознать соответствующие диссонансы и искать средства их устранения. Поэтому борьба с конформистской моралью – это одновременно и борьба за новый стиль мышления. Истинность, правдивость, справедливость и верность – различные уровни и формы проявления единой сущности. Разрыв этого единства неминуемо ведет к отступлению от творческого мышления.

Концепция становления и развития права, основанная на распространенной сугубо рационалистической модели права, страдает оторванностью от социальной практики, что неминуемо приводит к различного рода погрешностям.

Как совершенно правильно указывает Г. Гуссерль, «обычный человек» совершает подавляющее большинство своих действий, сознательно либо бессознательно основываясь не на законе (представления о котором у большинства людей размыты и в общем совпадают с моралью Декалога), а на усвоенных из социальной практики обычаях. Можно ли в этом случае говорить об «исполнении» либо «применении» ими закона, «задним числом» приписывая к их поступкам соответствующие нормы права? Правила обычаев это не правила права. Право есть то, что уделает (*dispense*) судья. Для того, чтобы творить право, судья должен освободиться как от диктатуры публичности, так и от слепой веры в некую «сверхъестественную инстанцию». Путем к правовому решению, заключает Г. Гуссерль, является индукция от особенностей частного случая к общим принципам права [12, С. 313].

Существует ли право исходно «в жизни» либо «в законе»? Осмысляется ли правовая ситуация на основании трансцендентных либо имманентных ей критериев? Ответы на данные вопросы лежат на пути дальнейшего вопрошания [13, С. 95].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Роберт Алекси. Дуальная природа права. Перевод с английского С. И. Максимова// Проблемы філософії права. Том VIII-IX. – Київ-Чернівці: Чернів. нац. ун-т, 2012. – С. 19-29.
2. Кауфман А. Онтологическая структура права (пер. с нем. А. В. Стовбы// Российский ежегодник теории права. - № 1. – 2008 / Под ред. А. В. Полякова. – СПб. Юридическая книга, 2009. – С. 151-174.
3. Максимов С. И. Концепция дуальной природы права Роберта Алекси// Проблемы філософії

права. Том VIII-IX. – Київ. – Чернівці: Чернов. нац. ун-т, 2012. – С. 30-35.

4. Alexy R. The Dual Nature of Law // JVR 24th World Congress «Global Harmony and Rule of Law» (September 15-20, 2009, Beijing, China) Papers.Plenary Session.Beijing, 2009. – P. 257-274.

5. Плавич В.П. Проблеми сучасного праворозуміння теоретико-методологічний та філософсько-правовий аналіз: [Монографія]/ Володимир Плавич. – Одеса: Астропринт, 2011. – 232 с.

6. Плавич В. П. Убежденность: философско-социологический анализ. – К.: Лыбидь, 1991. – С. 17.

7. Плавич В. П. Скрытая истина как продукт бессознательного творчества // Проблемы научного и технического творчества. Отв. ред. проф. Плавич В. П. – Одесса, ОНПУ, 1992. – С.191-194.

8. Бачинин В. А. Морально-правовая философия. – Харьков: «Консул», 2000. – С. 83.

9. Плавич В. П. Убежденность: философско-социологический анализ. – К: Лыбидь, 1991. – 208 с.

10. Кочубей Б. Перестройка сознания // Наука и жизнь. – 1988. - № 10. – С.84.

11. Enhancement of interpretation of legal norms and law enforcement, Geneva, Switzerland, December 2015 # 5. – P. 137-150.

12. Husserl G. Everyday life and the law // Husserl G. Recht and Welt. – Frankfurt am Main: Vittorio Klosterman, 1964. – P. 297-313.

13. Стовба А. В. Живет ли право в жизненном мире? К феноменологии права Герхарта Гуссерта// Проблемы философии права. Том VIII-IX. Київ, Чернівці: Чернів. нац. ун-т, 2012. – 496 с.

Рибка Наталія Миколаївна – кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії та методології науки Одеського національного політехнічного університету.

УДК: 111.6 + 316.42

СУЧАСНІ ТЕОРІЇ ДІЯЛЬНОСТІ: ПРОБЛЕМИ ТИПОЛОГІЗАЦІЇ

У статті розглядаються труднощі та проблеми типологізації сучасних теорій діяльності. Автор пропонує особисте бачення до визначення типів теорій діяльності, визначаються їх суттєві ознаки та сутність. Особлива увага приділяється ідеологічному аспекту теорії діяльності, надається оцінка та визначаються загальні напрямки за критерієм належності до тієї чи іншої ідеології. Підкреслюються тенденції та суттєві складності у класифікуванні та типологізації сучасних теорій діяльності. Визначено, що превалювання синтетичності, міждисциплінарності, метатеоретичності теорій діяльності призводить до проблем їх ідентифікації, а також створює ризики еkleктичності.

Ключові слова: діяльність, теорія діяльності, дія, соціальна дія, діяльнісний підхід.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИЗАЦИИ

В статье рассматриваются трудности и проблемы типологизации современных теорий